

«ОБЩЕСТВЕННЫЙ ДОГОВОР»

Основные принципы внутренней политики Василия III сложились еще в то время, когда он получил от отца в управление Новгород Великий. Борьба за трон вступила в решающую фазу, и все помыслы князя сосредоточились на том, что-

бы упрочить свою военную опору — новгородское поместное ополчение. Для этого он постарался расширить фонд государственной земельной собственности, образовавшийся в Новгороде. К концу XV в. поместья в Новгороде получили девятьсот шестьдесят четыре сына боярских. В начале XVI в. в новгородском ополчении служила уже тысяча четыреста детей боярских.

Формирование зависимого от трона дворянского военно-служилого сословия оказало глубокое влияние на развитие Российского государства в целом. Русь все больше отдалялась от Запада.

Завоевание Новгорода Москвой уничтожило элемент «общественного договора», определявший взаимоотношения между Новгородской республикой и князьями, заключавшими «ряд» с новгородцами. Верх взяла московская политическая культура. Но не следует думать, что эта последняя была аналогична культуре восточных деспотий, опиравшейся на принцип подчинения общества государству.

Полагают, что московские порядки не включали элемент общественного договора, так как в России монарх подчинил дворян обязательной службой (Р. Крами). Вновь установленные факты опровергают такой вывод. Московские самодержцы не обладали достаточной властью, чтобы насильно навязать знати и дворянству принцип обязательной службы с земли. Подобно западным суверенам и они не могли обойтись без «общественного договора». Почвой для договора послужила насильственная и быстрая перестройка системы земельной собственности, принесшая огромные выгоды московскому дворянству. Веками на Руси господствовала вотчина, обеспечивавшая старому боярству известную независимость по отношению к государю. Экспроприация новгородского боярства изменила всю ситуацию. Новгород и Псков по территории не уступали бывшему Московскому княжеству. Поэтому превращение конфискованных тут боярских вотчин в собственность государства и появление поместий сразу обеспечило государственной собственности ведущее место в системе землевладе-

ния. В XVI в. фонд поместных земель продолжал стремительно расти. В итоге казна смогла наделить государственной собственностью не отдельных лиц, не отдельные группы, а все сословие московских служилых людей. Фонд конфискованных земель был столь велик, а численность московских дворян столь ограничена, что власти давали поместья даже военнослужилым холопам из распущенных боярских свит. При обилии земель сложился порядок, при котором казна стала надевать поместьями детей и внуков дворян, едва они достигали совершеннолетия и поступали на службу. Превратившись в традицию, такой порядок не получил законодательного оформления, что было характерно для Московского царства и его юриспруденции. Суть «общественного договора» состояла в том, что казна взяла на себя обязательство обеспечить дворян необходимой для службы землей. В свою очередь, дворяне согласились на обязательную службу.

Раздача поместий не привела к уравниванию аристократии и рядового дворянства. Знать получила в дополнение к вотчинам крупные поместья, во много раз превышавшие владения уездных детей боярских, для которых поместье нередко оставалось единственным источником доходов.

Необходимым условием распространения поместной системы на центральные уезды Московского государства было создание там крупного фонда государственных земель. Казна пополняла этот фонд за счет «черных» волостей, светских вотчин и прочее. Иван III и Василий III издали «уложения» (закон или практические распоряжения) о том, чтобы вотчинники Твери, Рязани, Оболенска, Белоозера не продавали свои вотчины «иногородним» и «в монастыри без доклада (особого разрешения монарха. — Р.С.) не давали». Членам трех крупнейших княжеских домов — Суздальского, Ярославского и Стародубского — запрещалось продавать наследственные вотчины кому бы то ни было «без великого князя ведома». Приобрести княжескую вотчину могли только прямые наследники умершего князя. Полагают, что «уложения» Ивана III и его сына были направлены «на консервацию пережитков удель-

ной старины» (В. Кобрин). Но с этим трудно согласиться. Запрет землевладельцам продавать вотчины «без доклада» и ограничение круга покупателей вотчин ставили сделки на землю под контроль монарха. Любое нарушение процедуры «доклада» государю вело к отчуждению вотчины в казну. В центральных уездах государство обошлось без массовых конфискаций боярских вотчин, но вторжение власти в сферу частной (вотчинной) собственности началось. Казна задалась целью утвердить свое исключительное право на наследие удельной старины — богатейшие княжеские и боярские вотчины.

Суздальская аристократия утратила свои княжеские престолы. К XVI в. эта знать не составляла особой, цельной корпорации. Само понятие «корпорация» едва ли применимо к русским порядкам. Но и при Василии III знать сохраняла воспоминания о былом княжеском достоинстве. Чтили своих родичей и местных святых.

Герберштейн писал о князьях Ярославских: «Их область, подобно Ростову, составляла собственность вторых сыновей государей, но их покорил силою то же монарх. Впрочем, и доселе еще остаются вожди области, которых они называют князьями, титул, однако, государь присволяет себе, предоставив страну князьям как подданным. Владеют же этою странюю три князя, потомки вторых сыновей; русские называют их ярославскими. Первый, Василий, — тот, который водил нас из гостиницы к государю и отводил обратно. Другой — Симеон Федорович, от своей отчины Курбы носящий прозвище Курбского, человек старый, сильно истощенный воздержанностью и самой строгою жизнью, которую он вел с молодых лет. Именно он в течение многих лет воздерживался от употребления в пищу мяса, рыбой же он питался только по воскресеньям, вторникам и субботам, а по понедельникам, средам и пятницам, во время поста, он воздерживался от нее. Великий князь послал его некогда в качестве главного вождя с войском через Пермю в Югру для покорения отдаленных племен. Значительную часть этого пути Курбский совершил пешком по причине глубокого снега, а когда он растаял, остальную часть пути князь

проплыл на судах и переходил через гору Печору. Последний — Иван, по прозвищу Посечень, который от имени своего государя был послом у цесаря Карла в Испаниях и вернулся с нами. Он был до такой степени беден, что взял займы (как мы наверно знаем) на дорогу платья и колпак (это — покрывало головы)».

Посол Герберштейн дал резко отрицательную оценку московским порядкам: «Всех одинаково гнетет Василий III жестоким рабством, так что ежели он прикажет кому-нибудь быть при его дворе или идти на войну, или править какое-нибудь посольство, тот вынужден исполнять все это на свой счет.

Властью, которую он применяет по отношению к своим подданным, он легко превосходит всех монархов всего мира. И он докончил также то, что начал его отец, а именно: отнял у всех князей и других властелинов все их города и укрепления».

Приведенная оценка Герберштейна оказала влияние на всю историографическую традицию. Но она тенденциозна. Надо иметь в виду, что дипломатическая миссия Герберштейна в Москве кончилась провалом, это повлияло на оценки посла.

В отличие от отца Василий III старался не ссориться с высшей знатью и никого не казнил. До опричнины же сына великого князя было еще далеко.

Крепостями в России владели удельные князья. Число уделов резко сократилось при Иване III, а не при Василии III.

Последний по завещанию образовал полдюжины новых княжеств и передал их детям. Он закрепил за братом Юрием крупное удельное княжество.

Завоевав Новгород, Иван III сначала разделил конфискованные там боярщины между московской знатью и дворянами. Но затем свел их в Москву. Изъятие новгородских поместий у их новых владельцев вызвало негодование московской знати. Василию III пришлось исправлять ситуацию. Он использовал новгородский опыт и стал наделять московских дворян и бояр поместьями в пределах Московской земли. Так как у властей не было достаточного фонда земель, испомещение

растянулось на многие годы. Боярство трансформировалось в служилое поместное дворянство.

Утверждение С. Герберштейна насчет всевластия московского государя было преувеличением. Следуя традиции, московский государь пополнял свою думу представителями самых аристократических фамилий. Но права удельной и прочей аристократии неуклонно ограничивались. Право отъезда, опиравшееся на многовековую традицию, было окончательно уничтожено не законодательным актом, а практикой государевых опал и крестоцеловальных записей. Князья, заподозренные в намерении покинуть Россию, под клятвой обещали верно служить государю и выставляли многочисленных поручителей.